

Мистюк Татьяна Леонидовна

О СПЕЦИФИКЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ СТИХИЙНЫХ И СОЗНАТЕЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ

В предлагаемой статье представлен краткий анализ роли стихии и сознательного воздействия людей на развитие естественного языка, в частности, на эволюцию его лексико-семантической системы; также характеризуется взаимодействие стихийных и сознательных факторов, способствующее либо закреплению возникшей инновации в общенародном языке, либо сохранению её в статусе окказионализма или неологизма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/1/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 114-116. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'1

Филологические науки

В предлагаемой статье представлен краткий анализ роли стихии и сознательного воздействия людей на развитие естественного языка, в частности, на эволюцию его лексико-семантической системы; также характеризуется взаимодействие стихийных и сознательных факторов, способствующее либо закреплению возникшей инновации в общенародном языке, либо сохранению её в статусе окказионализма или неологизма.

Ключевые слова и фразы: стихийные факторы развития языка; сознательные факторы развития языка; взаимодействие объективных и субъективных факторов; языковое новшество; языковая инновация.

Татьяна Леонидовна Мистюк, к. филол. н.

Кафедра русского языка

Новосибирский государственный технический университет

bakatiha@mail.ru

О СПЕЦИФИКЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ СТИХИЙНЫХ И СОЗНАТЕЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ[©]

Проблема соотношения стихии и управления в эволюции языка практически с первой половины XIX века и до настоящего времени сохраняет свою актуальность и является объектом исследования многих отечественных и зарубежных лингвистов.

Стихийными факторами развития языка принято считать те, которые действуют помимо сознательной воли людей, не являются результатом предварительного обдумывания и не представляют собой осознанного решения, а сознательными – те, которые являются итогом особого осмысления и принятия решений и регулируются осознанной волей индивидов (процесс обдумывания представляет собой логическую операцию, предшествующую решению и направленную на его поиск) [1, с. 157]. В сознательном процессе существенное значение имеет субъективный момент, поскольку индивид (субъект речи) воздействует на определенную сторону языковой системы, принимая обдуманное решение, которое должно отвечать реальной языковой потребности.

Проблема зависимости эволюции языка от сознательной воли человека оживленно обсуждалась на протяжении XIX-XX вв. как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. При этом одни языковеды полностью отрицали возможность осознанного влияния людей на развитие языка (например, Август Шлейхер, автор биологической концепции языка [Там же, с. 159]), другие полагали, что подобное воздействие существует, однако оно незначительно и непринципиально для языка в целом (эту позицию разделяли младограмматики, и в частности Г. Пауль [5, с. 53]); третьи видели в языке только индивидуальное творчество (такая точка зрения отражена в трудах основоположника школы эстетического идеализма Карла Фосслера [1, с. 159-160]). Некоторые, в частности Ф. де Соссюр и др., признавали оба фактора – стихийный и сознательный, но утверждали, что язык менее всего дает возможность для проявления индивидуальной инициативы в процессе языкового развития [7, с. 338]. Такие подходы к проблеме носили характер либо односторонних, либо противоречивых, поэтому объективный анализ влияния соответствующих факторов на эволюцию языка был практически невозможен.

Современная лингвистика исходит из того, что язык как стихийно возникшая знаковая система существует объективно, независимо от говорящего индивида, а эволюционирует по законам реального мира, человеческого мышления и общественного поведения людей; языковые изменения могут быть количественными и качественными, они затрагивают как структурную, так и функциональную стороны языка. Причины подобных изменений могут иметь различный характер – как индивидуальный, так и общественно необходимый.

Наиболее ярким примером взаимодействия разных факторов в эволюционном языковом процессе может служить пополнение языка новыми единицами – в первую очередь лексико-семантическими. Основные принципы их возникновения и распространения в системе языка имеют универсальный характер, поэтому они могут быть спроецированы и на другие языковые уровни. Известно, что вначале все инновации впервые фиксируются в речи, однако зарождаются они на уровне индивидуального языка (системы частной по отношению к общенародному языку как форме его общественно-исторического существования). «Всякое новшество... – пишет Ю. В. Фоменко, – диктуется волей говорящего и появляется впервые в индивидуальном языке, а факт индивидуального языка находит отражение в индивидуальной речи» [9, с. 64]. При появлении новой, в частности, лексической единицы первым толчком может послужить как стихийный фактор, когда конкретный индивид спонтанно, без соответствующего намерения создает новое, неизвестное ранее слово, так и сознательный, когда созданию слова предшествует его предварительное обдумывание, осознанный выбор. По словам В. А. Аврорина, «упасть с неба в готовом виде она (инновация – Т. М.)... не может... Не имеет значения, один или несколько человек одновременно или в разных местах впервые применили это

новшество... всё равно индивидуальный характер первоупотребления не подлежит сомнению, ибо любой акт речи... всегда исходит от индивида и представляет собой продукт его творчества» [1, с. 160-161].

Момент первого словоупотребления в индивидуальной речи является *окказиональным этапом* функционирования языковой единицы, поэтому новый лексико-семантический вариант на этой стадии принято называть *окказионализмом*. Он характеризуется тем, что имеет конкретного автора, который может быть известен определенному кругу носителей языка, создается в конкретный момент времени, известный автору и адресату, а также отсутствует в лексикографических источниках и в речи всех носителей языка, кроме автора. Все без исключения единицы языка (причем не только лексико-семантического уровня) проходят через эту стадию функционирования, так как все они когда-то кем-либо были созданы и впервые употреблены в речевой практике.

После окказионального этапа в использовании слова его дальнейшая «жизнь» может сложиться по-разному: а) слово не выходит за пределы окказиональности, навсегда оставаясь в индивидуальном языке своего автора и функционируя на уровне цитирования; окказиональному слову свойственны невоспроизводимость, функциональная одноразовость, синхронно-диахронная диффузность, экспрессивность и другие специфические признаки; б) слово от стадии окказиональности переходит на следующую ступень своего функционирования – на стадию неологизма; оно становится относительно известным, проникает в пассивный словарь языка, начинает более или менее регулярно употребляться в речи ограниченного числа говорящих, однако по ряду объективных либо субъективных причин не доходит до лексикографической фиксации; в) пройдя стадии окказионализма и неологизма, лексическая единица становится общеупотребительной, регистрируется лексикографически и пополняет активный словарь большинства носителей языка [3, с. 144].

Намерение создать новую словесную единицу может иметь как осознанный, целенаправленный, так и непровольный характер, однако в конечном итоге индивидуальность и субъективность исходят из реально сложившихся языковых возможностей, а также навыков и потребностей определенной социальной группы. Важно учитывать и то обстоятельство, что конкретная причина, породившая словесную или какую-либо другую инновацию, всегда находится за пределами самой языковой системы. Так, Ю. В. Фоменко пишет: «Первопричина любого изменения языка всегда лежит вне языка, имеет экстралингвистический характер. Появившись в той или иной точке пространства языка, языковая инновация благодаря речевой практике говорящего коллектива последовательно распространяется по всему пространству языка или на его отдельном участке, в рамках той или иной микросистемы» [8, с. 53]. В результате человек (субъект речи) вносит некоторое отклонение в привычные для него объективно существующие языковые формы, и целью этого является реакция на номинативную потребность, возникшую в конкретном языковом коллективе в определенной коммуникативной ситуации в связи с готовностью и желанием усовершенствовать языковую систему как достояние соответствующего социума. И только в том случае, если языковое новшество получает коллективное признание (а это возможно лишь в том случае, когда языковая единица соответствует реальной потребности говорящих), оно становится элементом системы. Именно в этой ситуации можно говорить о тесном взаимодействии индивидуального и коллективного, а также объективного и субъективного факторов. Однако следует заметить, что подобного рода изменения всегда имеют обязательный элемент сознательности, хотя собственное осознание новизны и целесообразности у автора новшества может быть минимальным. Новая единица становится фактом языка чаще всего стихийно, когда члены языкового коллектива поощряют её и способствуют её распространению. «...Как только инновация проникает в язык и закрепляется в нём, – пишет В. А. Аврорин, – её индивидуальный характер уступает место коллективному...» [1, с. 161]. Это свидетельствует об определенной доле сознательности как элементе управления процессом эволюции языка. «Само количество новых лексических единиц и их связь с понятиями, – уточняет тот же автор, – также предполагает сознательную инициативу, направленную на совершенствование языка в целом» [Там же, с. 170].

Из всего вышесказанного можно заключить, что судьба языкового новшества зависит исключительно от воли его носителей, которые в силу ряда объективных или субъективных причин позитивно оценивают и принимают новую единицу либо не одобряют и отвергают её, ограничив инновацию статусом окказионализма или неологизма. Решающую роль в ряде случаев играет стихийный фактор, который тем не менее является результатом сознательного решения каждого отдельного носителя языка, принявшего либо отвергнувшего появившееся языковое новшество. В этом случае можно наблюдать довольно сложные «переплетения» между отдельными стихийными и сознательными процессами, которые способствуют порождению нового языкового факта или «закрывают» ему путь в общенародный язык.

Таким образом, ни одно новшество в языковой системе не возникает абсолютно стихийно и в то же время не является результатом ни от чего не зависящей индивидуальной инициативы: всегда в определенной степени присутствуют и стихийность, и управляемость. Определяющая роль может принадлежать любому из этих факторов, но только их тесное взаимодействие способно «запустить» эволюционный процесс как таковой. Это напрямую относится как к структурной, так и к функциональной сторонам языка. Как отмечает Ю. В. Рождественский, «соотношение стихийных и сознательных процессов динамики языка на любом этапе истории языка и истории говорящего на нём народа различно» [6, с. 228]. Однако многие современные языковеды отмечают, что языковая эволюция в целом всё-таки исторически «движется» от стихийности к усилению сознательной регулирующей роли людей.

Список литературы

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975. 276 с.
2. Мистюк Т. Л. Вопрос о причинах эволюции языка в современной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. С. 120-124.
3. Мистюк Т. Л. К вопросу о сущности неологизма и окказионализма // Молодая филология: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Тюпы. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1996. С. 142-145.
4. Мистюк Т. Л. О роли стихии и управления в процессе эволюции языка // Актуальные проблемы описания и преподавания русского языка: сб. науч. статей. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2006. С. 40-47.
5. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Иностранная литература, 1960. 500 с.
6. Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию. М.: Добросвет, 2000. 344 с.
7. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1960. Ч. 1. С. 323-342.
8. Фоменко Ю. В. Мифы современной лингвистики. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. 176 с.
9. Фоменко Ю. В. Язык и речь. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1990. 77 с.

**ON SPECIFICITY OF SPONTANEOUS AND CONSCIOUS FACTORS INFLUENCE
ON EVOLUTIONARY PROCESSES IN LANGUAGE**

Tat'yana Leonidovna Mistyuk, Ph. D. in Philology
Department of Russian Language
Novosibirsk State Technical University
bakatuha@mail.ru

The author presents the brief analysis of the role of element and people's conscious influence on natural language development, particularly, its lexical-semantic system evolution; also characterizes elemental and conscious factors interaction, promoting either appeared innovation consolidation in national language or its preservation in the status of occasionalism or neologism.

Key words and phrases: spontaneous factors of language development; conscious factors of language development; interaction of objective and subjective factors; language novelty; language innovation.

УДК 811.1/8

Филологические науки

Статья посвящена представлению языка как объекта исследования постнеклассической науки. В рамках исследования выявляется роль проблемно-ориентированного поиска и междисциплинарных исследований в изучении механизмов деятельности языка. Идеи нелинейного развития и неустойчивости системы позволяют по-новому взглянуть на язык как феномен человеческой деятельности.

Ключевые слова и фразы: философия языка; теория языка; нелинейность развития; неустойчивость системы; лингвогенез.

Ирина Михайловна Некипелова, к. филол. н., доцент

Кафедра философии

Ижевский государственный технический университет им. М. Т. Калашникова

irina.m.nekipelova@mail.ru

**ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ[©]**

Введение. Вопросы о происхождении мира, его смерти, соотношении случайного и закономерного в мире, хаоса и космоса волновали многих учёных, начиная со времён, когда философское мировоззрение и философская картина мира, а затем и научное мировоззрение и научная картина мира ещё только начинали складываться. Лучшие умы древнего мира были озабочены поиском первопричин и первооснов мира, процессов упорядочения хаоса и рождения космоса. И до настоящего времени актуальность этих вопросов не угасла, напротив, с расщеплением общенаучной картины мира на множество, несмотря ни на что, связанных между собой узконаучных картин мира, понимание первопричин и первооснов становится тем фундаментом, который не позволяет науке распасться на осколки очень узких, специализированных представлений о мире, не только описывающих мир по-разному, но и представляющих этот мир в рамках концепций, не стыкующихся между собой и зачастую противоречащих друг другу. Именно поэтому «проблемы соотношения порядка и хаоса в процессах эволюции природы и общества вот уже два десятилетия находятся в центре